

Забаштанская Оксана Игоревна
кандидат филологических наук
доцент кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Oxana Zabashtanskaya
PhD in Philology
Associate Professor of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
xenia_z@tut.by

Клиффорд БрэдонТрэвис
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Klifford Brandon Travis
graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

ОДЕССКОЕ ГОРОДСКОЕ КОЙНЕ В «ОДЕССКИХ РАССКАЗАХ» ИСААКА БАБЕЛЯ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ODESSA CITY KOINE IN *ODESSA STORIES* BY ISAAC BABEL: PHONETIC AND GRAMMAR ASPECTS

В статье рассматриваются грамматические и фонетические черты одесского городского койне, которые встречаются в цикле «Одесские рассказы» Исаака Бабеля. Анализируются грамматические конструкции, обусловленные языковой интерференцией из идиша и украинского. Кроме того, проиллюстрированы примеры русского городского просторечия на грамматическом и фонетическом уровнях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *койне; «одесский язык»; языковая интерференция; субстрат; калька; вкрапление; просторечие.*

The article deals with grammatical and phonetic features of Odessa urban Koine, which are found in the cycle *Odessa Stories* by Isaac Babel. The article analyzes the grammatical constructions caused by language interference from Yiddish and Ukrainian. It also illustrates examples of Russian urban vernacular at grammatical and phonetic levels.

К e y w o r d s : *Koine; "Odessa language"; language interference; substratum; calque; interspersing; vernacular.*

«Одесские рассказы» [1] Исаака Бабеля представляют собой цикл из 15 произведений о жителях Молдаванки. Для иллюстрации социокультурной специфики описываемых в произведении реалий и речи персонажей писатель использовал различные стилистические средства. Язык данного цикла в целом сложно назвать единообразным: наряду с национальными русским и украинским, тексты характеризуются большим количеством просторечных, жаргонных и диалектных языковых компонентов, элементами еврейской фольклорной и религиозной традиции (например, специфическим синтаксическим параллелизмом), антитезами, афоризмами, фразеологизмами и др.

Понимание текстов «Одесских рассказов» невозможно без понимания одесского мифа и так называемого «одесского языка», который представляет

собой *городское койне*, что сформировалось на перекрестке многих этносов и культур портового города. «Одесский миф» – общепризнанное в тематических исследованиях понятие, которое включает в себя ряд представлений русских и русскоговорящих об Одессе, составленных на основе литературных произведений (в том числе фольклора), кинематографа и телевидения. Так, среди ключевых элементов одесского мифа называют «свободу, торговлю, юмор, “одесский язык”, гармоничное или космополитическое сосуществование» [2, с. 89]. Таким образом, «одесский язык» в виде отдельных элементов, проникших в художественные произведения во времена его существования, способствовал созданию и дальнейшему бытованию одесского мифа. В то же время нельзя утверждать, что само одесское койне являлось частью мифа, поскольку представляло собой живую разговорную речь его носителей.

Время создания «Одесских рассказов» относится к так называемому третьему периоду бытования «одесского языка» (первая треть XX века), когда одессизмы стали проникать не только в жаргоны и городское просторечие, но и в русский литературный язык. Некоторые языки особо повлияли на речь одесситов, оставив следы не только в лексике, но и в грамматике. В первую очередь речь идет о суперстрате языка идиш, на котором говорили еврей-ашкенази, и украинском субстрате. Среди других языков, оставивших след в одесском койне, называют французский, английский, итальянский, новогреческий, польский, молдавский, румынский, турецкий и т.д. [3, с. 276].

Считается, что на формирование «одесского языка» во многом повлияло еврейское население города, поэтому одесская речь представлена большим количеством прямых и модифицированных заимствований из идиша. В то же время, если говорить о заимствованной лексике в «Одесских рассказах», не принимая во внимание онимы, наши наблюдения показывают, что украинская лексика (в том числе вкрапления) преобладает. Методом сплошной выборки мы выявили 138 употреблений заимствований (имена нарицательные) и преобладание украинизмов (63 лексем). На втором месте – гебраизмы (14 лексем). Остальные лексические единицы представляют собой диалектизмы и заимствования из других языков (галлицизмы, латинизмы, тюркизмы и др.). Если гебраизмы (*шамес, брис, синедрион, цадик, ешибот* и др.) используются в авторских описаниях культурных реалий, то украинизмы, заимствования из других языков, а также варваризмы (в том числе из идиша) встречаются преимущественно в диалогической речи персонажей и служат лингвокультурным маркером, определяющим их как носителей одесского койне. Но все же целью данной работы является иллюстрация фонетико-грамматических особенностей одесского койне, которые репрезентированы значительно меньшим числом фиксаций (нами выявлено 53).

Следует отметить, что на фонетическом и грамматическом уровнях специфика одесского койне представлена, главным образом, результатами

интерференции с идиш и украинским языком. Как полагает А. Вершик, язык Одессы характеризуется следующими фонетическими и грамматическими чертами идиша:

- особой восходяще-нисходящей интонацией;
- неразличением *и* и *ы* (*мило* ‘мыло’);
- отсутствием палатализации сонорных (*радом* ‘рядом’);
- сочетанием «согласный + *j*» (*лещ* [lještš] ‘лещ’);
- редупликацией с *им-* в начале слова (*магазин–шмагазин*);
- сохранением интонации идиша при том же, характерном для идиша, порядке слов (*Так у него была на прошлой неделе у сына бар-мицва. Так что делает Торик? Послал поздравительное письмо и мешочек бархатный для тфиллин*);
- калькирование правил управления, а также буквальный перевод идиом (*я знаю очень* – иди. *ixvejszejer* ‘откуда я знаю’ [4, с. 143]).

Наряду с идишем, большое влияние на одесский язык оказали также южнорусский диалект и украинский язык. Показательным примером можно считать замену русского префикса *у* на соответствующий украинский префикс *в*: *вдарили* ‘ударили’, *вбили* ‘убили’, *впотребили* ‘употребили’, *вже* ‘уже’. Грамматические конструкции, в которых наблюдается нарушение литературной нормы русского языка, весьма разнообразны и представляют собой элементы городского просторечия, субстрата и заимствований. Рассмотрим эти конструкции.

Такие примеры копирования интонации и синтаксиса идиша мы находим в «Одесских рассказах»:

— *Я простой человек, без хитростей*, — сказал Фроим, — *я нахожусь при моих конях и занимаюсь моим занятием. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам есть за Баськой*, — кому этого мало, пусть тот горит огнем...

— *Почтение, Грач*, — сказал он, — *если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор, есть с чего посмеяться...*

Под влиянием идиша и украинского некоторые глаголы русского языка принимают иное значение, чем в русском литературном, а также нарушают правила транзитивности. В первую очередь это относится к глаголам *иметь*, *делать*:

Я имею вам сказать.

Или сделайте со мной что-нибудь, папаша, или я делаю конец моей жизни.

В данном случае глагол *иметь* выступает как вербализатор, то есть вспомогательный глагол. Такие вербализаторы десемантизированы и могут выполнять функции модальных глаголов [5, с. 160]. В литературном украинском языке глагол *мати* имеет модальное значение повинности, необходимости (*Я маю зробити цю справу. Ми маємо їхати до Києва. – Я должен сделать это дело. Мы должны ехать в Киев*).

Достаточно многочисленными в «Одесских рассказах» являются примеры употребления глагола *иметь* в конструкциях со значением принадлежности:

Я имею интерес.

Она имеет надоедливый характер.

Вы имели сердце послать матери...

В моем лице ты имеешь типа, который способен... и др. Данным конструкциям соответствует русское литературное *у меня есть...*

Как известно, глаголы со значением 'иметь, обладать' образуют посессивную конструкцию предложения. Языки, в которых такая конструкция включает глагол типа *иметь* (букв. *Я имею книгу*), называются *habeo*-языками; языки, в которых она строится с глаголом-связкой *быть* (*У меня есть книга*), – *esse*-языками [6, с. 54] Украинский язык занимает промежуточное положение между этими группами. Построение синтаксических конструкций по типу *habeo* или *esse* варьируется в украинской лигвокультуре и также зависит от диалектной стратификации. Идиш же относится к языкам *habeo*. Таким образом, использование посессивной конструкции по типу *habeo* в «одесском языке» и, соответственно, в произведениях Бабеля, как мы полагаем, может быть обусловлено влиянием идиша при поддержке украинской грамматической системы.

Похожим влиянием идиша объясняется использование аналитических конструкций существительных с глаголом *делать* на месте русских смысловых глаголов, например, *делать конец* вместо нормативного русского *покончить*:

*Или сделайте со мной что-нибудь, папаша, или я **делаю** конец моей жизни.*

Как отмечает И. Кабанен, такая характерная черта одесского койне, как глагольные конструкции *saccusativus cum infinitive*, также является грамматической калькой, так как вполне соответствует нормам немецкого языка и идиша. К таким же калькам с немецкого относятся формы инфинитива и с предлогом: *ручка для писать* (ручка для письма) [7, с. 289].

В «Одесских рассказах» встречаются объектные инфинитивы, калькирующие аналогичные конструкции в идише:

Он думает об выпить, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях.

Я буду с вами говорить об писать мне письмо.

Примером грамматических украинизмов является управление глаголами со значением мысли и речи + предлог *за* с винительным падежом существительного: *знать за облаву*. Такая конструкция называлась исследователями в ряду характерных грамматических особенностей «одесского языка», когда предлог *о* заменяется предлогом *за*: *Беня знает за облаву*.

В украинском диалектном и частично литературном языке употребляется предлог *за* с винительным падежом в значении объекта (русский эквивалент *о, об* + предложный падеж). Например: *Він питався за тата. Вона знає за тебе. – Он спрашивал об отце. Она знает о тебе.*

Украинские грамматические вкрапления встречаются в виде глагольных форм: *Озираються, все арестовать кого-то хочут.*

Еще одна группа специфических грамматических конструкций представлена предложным управлением по украинскому образцу:

Зайдите к нам на двор. (Ср. укр. *Зайдіть до нас на двір.*)

Я любитель сбросить иногда все эти мысли с головы.

Мой знакомый просят вас до себе в компанию.

Без вас приходила Одарка, взяла Гришку до дому.

Характерной иллюстрацией языковой интерференции в одесском койне может послужить следующий пример, в котором личное местоимение *мне* используется в украинизированной форме *мене*, русский предлог *в* заменен на украинский *у* и вместо русского глагола *кажется* употребляется украинский эквивалент *здається*: *Беня, ты знаешь, что мене здається?* (Ср. укр. *мені здається.*)

Отмечены случаи согласования по роду, нехарактерные для русского языка:

У вас невыносимый грязь.

Но я выведу этот грязь.

Она имеет блондинный волос.

Первый случай можно объяснить украинским грамматическим субстратом. В украинском слово *бруд* 'грязь' принадлежит к мужскому роду (ср. *невиносний бруд, цей бруд*).

Также встречаются случаи употребления звательного падежа, по образцу украинского языка: *Трофиме, бабуся за што?*

Как полагает В. П. Смирнов, в Одессе почти исключено использование предлога *о* (он заменяется предлогом *за*), но если данный предлог все-таки употребляется, то в форме *об* вне зависимости от первого звука последующего слова [8]. В «Одесских рассказах» встречаются соответствующие конструкции:

Охраники были об одной ноге, другие недосчитывали руки или глаза.

Телеграфист протянул руку и пристукнул пальцем по раскрытой ладони: «Документы об это место».

Кроме указанного, наблюдаются случаи несоответствия литературным нормам предложного управления, вероятно, бытовавшие в «одесском языке».

Бендерские жили в третьем этаже.

Их нет в заводе.

Прошел в кухню.

Следует отметить, что иногда сложно проследить, влияние какого именно языкового компонента койне приводит к нарушению согласования по роду и управления.

В цикле рассказов встречаются грамматические формы, обусловленные влиянием русского городского просторечия

1) на грамматическом уровне:

*Не **выйти**ть им живыми.*

*Мой знакомый **просят** вас до себе в компанию.*

*Задобрить хотят на позиции **везть**.*

***Подь-ка** сюда, попрыгунчик.*

*Анженеры от заводов все **отъехали**.*

*Экая **стерть**!*

*Я за **пистолью** пойду, уничтожу тебя.*

*Немец говорит – земля **евонная**.*

*Все об **Расее** бьются, все **Рассею** жалеют.*

2) на фонетическом уровне:

*Его уж прикончат, **вишь**.*

*Водка, друг, в Вознесенском, **хошь** по воде сорок верст, **хошь** по земле сорок верст...*

***Пуцай** лежат.*

*Анженеры от заводов все **отъехали**.*

*А я в **ей** был, в Калуге.*

В некоторых случаях употребляются граффоны для иллюстрации речи иноязычных персонажей:

«Мы-ста да вы-ста», – пробормотал латыш.

«Ми друг», – сказал китаец.

Как было показано, наиболее отчетливо компонент одесского языкового койне проступает в лексике и грамматике прозаического цикла. В ряде случаев автор «Одесских рассказов» старается передать специфическое произношение своих героев, например, при помощи украинского аналога приставки у-. Среди грамматических конструкций выявлены, в первую очередь, кальки с идиша, а также украинский субстрат. Влияние идиша проявляется в копировании порядка слов, подразумевающего характерную интонацию, калькировании словосочетаний с глагольным управлением, употреблении глагола *иметь* в качестве десемантизированного вербализатора с модальным значением и в посессивных конструкциях. Кроме того, характерной калькой с идиша является употребление инфинитива в роли объекта.

Украинский грамматический компонент представлен соответствующими конструкциями в падежном управлении, спецификой согласования, также отмечено использование звательного падежа. Кроме вышеуказанного, употребляются грамматические формы и фонетические варианты слов из русского городского просторечия, а в некоторых случаях граффоны, иллюстрирующие речь иностранцев. Данные компоненты встречаются преимущественно в монологической и диалогической речи персонажей и являются лингвокультурным маркером, характеризующим их этническую принадлежность или как носителей одесского койне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабель, И. Э.* Одесские рассказы / И. Э. Бабель. – СПб. : ООО «Издательская группа “Азбука-Аттикус”». – 2013. – 284 с.
2. *Сквирская В.* Одесса: «скользящий» город и ускользящий космополитизм / В. Сквирская, К. Хэмпфри // Вестн. Евразии. – 2007. – № 1. – С. 87–117.
3. *Мечковская, Н. Б.* Русский язык в Одессе: Вчера, сегодня, завтра / Н. Б. Мечковская // Russian linguistics. – 2006. – С. 263–281.
4. *Вершик, А.* О русском языке евреев / А. Вершик // Die Welt der Slaven. – 2003. – Vol. XLVIII. – С. 143–144.
5. *Пальянова, Г. В.* Десемантизированные глаголы в составе устойчивых глагольно-именных сочетаний / Г. В. Пальянова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. / редкол. : Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С.159–162.
6. *Важнік, С. А.* Беларуская літаратурная мова: паміж esse - i habere - мовамі / С. А. Важнік // Лінгвістыка, лінгводидактыка, лінгвокультуролагія: актуальныя пытанні і перспектывы развіцця : матэрыялы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2020. – С.53–55.
7. *Кабанен, И.* Одесский язык: Больше мифа или реальности / И. Кабанен // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / сост. : А. Mustajoki, Е. Protassova, N. Vakhtin. – Хельсинки, 2010. – С. 287–298.
8. *Смирнов, В. П.* Одесский язык / В. П. Смирнов. – Одесса : Полиграф, 2008. – 95 с.

Поступила в редакцию 01.12.2022